

● Легенды гребневого Урала

ЯШКИН И ТАИСКИН ЛОГ

Странно устроена наша память: из многих впечатлений от событий и явлений что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное запоминается сильнее, чем все остальное. Как, например, одна незатейливая местная легенда о названии обыкновенного лесного оврага в Старой Утке. Лог до сих пор называется Яшкин и Таискин, и каждый житель от мала до велика знает, где он находится, и покажет его, не особенно задумываясь о названии.

На Урале лога, речушки, береговые утесы-камни имеют свои названия, за которыми стоят то романтические, то мистические истории, передаваемые из поколения в поколение. Помню, этот лог начи-

нался почти сразу же за домами Третьей Чусовской улицы налево от устья реки Утки. Все три улицы упирались в извилистый травяной берег Чусовой. За ними был буйный лес.

Внезапно деревья словно исчезли, и мы очутились на гребне неглубокого оврага. Внизу, зажатая с двух сторон оползающими кручами, лежала широкая лощина. Стеной стояли над обрывом сумрачные ели, пуская до земли мохнатые лапы. Кое-где жались пугливые осинки. После дождя на дне лога пел песню ручеек. А в солнечные дни вид был красив, зрелище умиротворяло людей, навевало покой. Так и верится, что именно здесь молодой Яков лег рядом с умирающей невестой Таисьей. А люди рассказывают,

что давным-давно это было. На земли уральские в поисках жизни свободной шли люди со всех сторон. Из разных мест пришли сюда и Таисья с Яковом. Здесь друг друга впервой увидели, и зародилась меж ними любовь согласная. Полюбили друг друга, а Таисья и секунды жить не могла без своего суженого: куда он - туда она. До мелких ссор даже доходило: негоже, чтоб молодайка в дела мужицкие совалась. А Таисья уберечь хотела Якова своим чародейством; сказывают опять же, что она в любой предмет и животину превратиться в один момент могла. Такая способность была ей дадена. Яков об этом не знал, хотя слухи всякие ходили.

Слухи слухами - жизнь из того и состоит, но любил он

Таисью крепко; ночами о ней думал, и хотя притворно сердился на излишнюю привязанность, однако и гордился втайне этим.

Однажды Яков лесом домой шел и услышал вдруг какой-то шелест, будто шмыгнула какая-то тень. На тропинке в глаза бросилась веточка ольховая. Поднял он ее, достал ножичек, ну и обстрогал ее, да выбросил; правда, будто стон тихий услышал, но внимания не обратил. К вечеру время свиданки подошло, а Таисья все нет и нет. Стал Яков искать ее и обнаружил на поляне всю израненную, умирающую. И понял он, откуда стон тихий слышался, когда веточку строгал. Лег он рядом со своей голубкой и, чтоб смерти своей не ждать, вонзил в свое сердце нож вострый. И умерли они одновременно,

взявшись крепко за руки.

Много-много лет с тех пор прошло. На месте полянки лог образовался, и с высоты птичьей видно, будто два силуэта рядком лежат. Жаль, что время изгладит все из памяти. А ведь здесь они пережили часы любви, нежности и радости. И все это действие свое имело: если пара влюбленных всерьез думала семью свою создавать - шли на Яшкин и Таискин лог и окунались в тишину, которую так хочется погладить. Теплую, нежную, зовущую! И еще увидеть миг зарождения нового дня. Передавалась эта традиция от одних к другим. Живет легенда, вернее эхо ее, и сейчас. Наверно, правильно: мы же корнями и живем, корнями былого и светлого. Хоть в это надо верить!

А. КРАМАРЕВ.